

И.П. КУЗНЕЦОВ-КРАСНОЯРСКИЙ – ИСТОРИК И МУЗЕЕВЕД

Выявляется вклад И.П. Кузнецова-Красноярского в изучение Сибири. Показано, как по примеру отца, красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова, он коллекционировал предметы археологии, этнографии, сибирской повседневности, старинные документы и безвозмездно передавал их в фонды Археологического музея Императорского Томского университета. Освещен богатый опыт музеографических и археографических работ И.П. Кузнецова, представлена его концепция истории Сибири как неотъемлемой части России.

Ключевые слова: И.П. Кузнецов-Красноярский; сибирские исследования; музеография; археография.

Иннокентий Петрович Кузнецов, известный также как Кузнецов-Красноярский, не обделен вниманием исследователей. Его деятельность как археолога, археографа и коллекционера коротко освещена в некоторых монографиях и в наибольшей мере – в статьях, опубликованных в научных сборниках и энциклопедиях начиная от «Сибирской советской энциклопедии» и завершая «Энциклопедическим словарем по истории купечества и коммерции в Сибири» [1; 2. С. 59–60; 3–8; 9. С. 290–291]. Однако в силу краткости имеющихся публикаций многое в его работах до сих пор практически неизвестно. Считаем, что разнообразное и плодотворное участие И.П. Кузнецова в изучении Сибири требует более внимательного рассмотрения и развернутого исследования.

Выходец из богатейшей семьи сибирских золотопромышленников, славившейся своими пожертвованиями на церковные нужды, благотворительность, образование, Иннокентий Кузнецов с детства был свидетелем заинтересованности в культуре и истории. В доме Кузнецовых в Красноярске бывали самые образованные в те времена сибиряки – ссыльные декабристы и поляки, в нем устраивались вечера, обсуждались новинки литературы, звучала музыка. Глава семьи, купец 1-й гильдии П.И. Кузнецов, состоял членом Императорского Русского географического общества и его Восточно-Сибирского отдела. В 1854 г. он участвовал в Амурской экспедиции, организованной генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым; собирал коллекции сибирских древностей и впоследствии передал их в Иркутский и Минусинский музеи [10. С. 1]. П.И. Кузнецов широко известен тем, что оплачивал обучение в Императорской Академии художеств красноярского уроженца Василия Сурикова. Ставший виднейшим русским художником, В.И. Суриков поддерживал дружеские отношения с Кузнецовыми, гостил на их даче в верховьях Енисея [3. С. 36–37].

Пять сыновей П.И. Кузнецова продолжили дело отца и внесли свой вклад в сибирскую культуру: оказывали финансовую поддержку Императорскому Томскому университету и его библиотеке, Минусинскому городскому музею. По завещанию скончавшегося в 1886 г. Льва Петровича Кузнецова, в Томском университете были учреждены студенческие стипендии, а также премия «за лучшие печатные сочинения» по истории, антропологии и социологии Сибири [11. Л. 1, 24]. Премия имени Л.П. Кузнецова присуждалась

Томским университетом в продолжение 1903–1918 гг. с периодичностью раз в два года, ее лауреатами были видные исследователи – П.М. Головачев, С.М. Чугунов, М.И. Боголепов, М.Н. Соболев, С.И. Руденко и др. [12. С. 132–133].

Под влиянием отца Иннокентий Кузнецов занялся коллекционированием и позже писал об этом так: «Видя с ранней молодости у нас в доме разные древние предметы, впоследствии я начал заниматься собиранием местных древностей» [10. С. 1]. Систематического профессионального образования Кузнецов не имел. Известно, что он учился в частной гимназии Келлера в Петербурге, но полного курса не окончил. С августа 1888 г. по январь 1891 г., уже в достаточно зрелом возрасте (он родился в 1851 г.), состоял в числе «посторонних слушателей» медицинского факультета Императорского Томского университета [13. Л. 3, 13]. Недостаток образования И.П. Кузнецов активно восполнял самообразованием, много путешествовал, хорошо знал русскую и зарубежную историческую литературу (что видно из его работ). Он остро ощущал отсутствие нужного количества специальной литературы: «...Работать нам приходится в Сибири, где вообще весьма мало библиотек, заключающих в себе сочинения о Сибири, Средней Азии и Китае. Даже библиотека Томского университета не имеет многих сочинений об Азии». И прибавлял, опираясь на свой собственный опыт: «Иной раз бывает крайне необходимо приобрести какие-нибудь книги, и их нет возможности достать не только в России, а даже и за границей, потому что издания эти сделались ныне библиографической редкостью, как, например, сочинения Абель-Ремюза, Клапрота, Дегиня, Страленберга и многих других» [14. С. 1].

В Сибири И.П. Кузнецов все же сначала стал известен как жертвователь на нужды культуры и образования. Он состоял почетным блюстителем Аскызского инородческого училища, приобрел для него деревянный дом с земельным участком. Одновременно был назначен почетным смотрителем Красноярского уездного училища и за большие пожертвования в его пользу в 1887 г. был награжден серебряной медалью на станиславской ленте [13. Л. 3]. Характерно, что в 1874 г. Г.Н. Потанин сообщал в письме к Н.М. Ядринцеву о некоем Кузнецове и о том, что тот мог бы дать деньги на издание Камско-волжской газеты, с которой Потанин тогда сотрудничал. При этом спрашивал: «Кто такой Иннокентий Кузнецов? Моя жена

догадывается, что это Шушляев. Так ли?» [15. С. 86, 98]. Впоследствии Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев ближе узнали Кузнецова, общались с ним как с членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, как с одним из разработчиков программы Музея прикладных знаний в Томске [5. С. 142–144; 16. С. 13]. Известно, например, что Иннокентий Кузнецов перевел с немецкого языка интересовавший Ядринцева текст, который тот опубликовал в «Сибирском сборнике» [17. С. 347].

Думается, не без влияния Потанина и Ядринцева, а также и своего отца И.П. Кузнецов обратился к изучению Сибири. Прежде всего, он заявил о себе как о коллекционере-собирателе разнообразных материалов о Сибири. Интересны формы и способы его собирательской работы. Подобно многим другим исследователям-путешественникам своего времени, он много ездил с научными целями по своему родному краю – Минусинскому округу, бывал в Америке, в европейских странах. При этом он использовал разработанный еще в XVIII в. метод визуального наблюдения, что обеспечивало комплекс представлений об изучаемых им территориях и культурах. Так, в течение многих лет совершая поездки по Минусинскому округу, он фиксировал местоположения древних могил и применительно к ним определял и границы кочевий минусинских инородцев, замечал изменения в расположении водных источников, растительных сообществ, отмечал наличие археологических памятников, осматривал древние захоронения, делал их зарисовки [14. Паг. 2, с. 7–9; 18. С. 1–3].

Первую коллекцию минусинских древностей И.П. Кузнецов, по собственному признанию, собирал в течение 16 лет, в основном путем археологических раскопок. Во время путешествия по Северной Америке в 1876–1877 гг. он составил, по словам В.М. Флоринского, «редкую этнографическую коллекцию бытовых предметов американских индейцев», а также приобрел 53 фотографии – портреты индейцев, виды городов [19. С. XVI; паг. 3, с. 234]. В 1891 г. Кузнецов совершил научное путешествие по странам Скандинавии и привез оттуда небольшую, но весьма интересную археологическую коллекцию, которую, по предположению О.Б. Беликовой, приобретал у торговцев антиквариатом или получал в дар от коллекционеров [5. С. 160]. Находил интересные ему предметы, например медные кресты и складни, у томских старьевщиков [20. С. 228].

Наряду с археологическими и этнографическими материалами И.П. Кузнецов собирал старинные документы. С разрешения товарища министра внутренних дел В.К. Плеве летом 1889 г. он занимался «разбором бумаг» архива Аскызской степной думы (он писал – Аскыской), составил подробную опись дел и скопировал некоторые интересовавшие его документы [21]. Немало ценнейших документов XVII–XVIII вв. было приобретено им у томского коллекционера, бывшего окружного судьи П.А. Пушкарева (еще больше пушкаревских документов оказалось у его однофамильца и наставника, университетского библиотекаря С.К. Кузнецова) [22. С. III]. Некоторые

документы, например письмо тобольского губернатора Чичерина, отправленное в 1774 г. в Томск, он приобрел на томском базаре [23. С. III].

Все свои коллекции И.П. Кузнецов неизменно передавал в музеи. По его собственному признанию, около 100 медных и бронзовых предметов и 70–80 железных наконечников стрел он отправил в Императорский Исторический музей в Москве. В Императорскую археологическую комиссию были отосланы рисунки древних могил, выполненные художником А.В. Станкевичем во время экспедиции в долину рр. Абакан и Таштып. Обнаруженные в археологических раскопках предметы поступали также в Минусинский музей [10. С. 1; 14. Паг. 2, с. 24; 18. С. 3].

Наиболее весом вклад И.П. Кузнецова в пополнение фондов Археологического музея в Императорском Томском университете. По подсчетам Ю.И. Ожередова, он безвозмездно передал в музей почти 700 вещественных источников, а кроме того – фотографии и документы [4. С. 227]. По музейным каталогам, составленным В.М. Флоринским, видно, какие разнообразные предметы и коллекции Кузнецов передал в университетское хранилище. В октябре 1888 г. от него поступили шаманский круглый бубен, шаманский костюм, кремневое ружье и модель пчелиного улья. Тогда же на музейное хранение были доставлены серебряные памятные медали и кресты, охотничий нож в серебряной оправе, серебряные перстни. Все это были фамильные вещи, принадлежавшие предкам И.П. Кузнецова [19. Паг. 2, с. 153–154; 20. С. 164–166]. В 1889 г. И.П. Кузнецов принес в дар коллекцию бронзовых, медных и железных предметов, собранных им в Минусинском и Ачинском округах, а также собрание медных складней, образков, серебряных крестов, медали, золотую табакерку и четыре серебряных стакана, всего 500 предметов [24. С. 83]. В отделе этнографии, в специально устроенной американской витрине, размещались луки, стрелы, колчаны, томагавки, а также головные уборы из перьев, мокасины, замшевые шаровары, игрушечная ящерица и фотопортреты индейцев из штатов Колорадо, Юта, Невада, пожертвованные Кузнецовым. Тут же находились привезенные им фотографии с изображениями американских городов и железных дорог, Ниагарского водопада [19. Паг. 2, с. 97–103].

Позже, уже после смерти Кузнецова, последовавшей в 1916 г., его коллекция в количестве 1722 предметов, а также старинные документы, рукописи, гравюры, рисунки самого собирателя и В.И. Сурикова были переданы в археологический музей О.И. Иванниковой (предположительно гражданской женой И.П. Кузнецова) [4. С. 227–228].

Давая характеристику И.П. Кузнецову как музейведущему, важно заметить, что он не только собирал коллекции и передавал их в музеи, но и ревностно заботился об их описании, атрибуции, публикации. Первые его коллекции, принятые в Томский университет, были описаны В.М. Флоринским в двух выпусках каталога Археологического музея, вышедших в 1888–1890 гг. Издание получило высокую оценку в научном мире и вызвало большой интерес русских и зару-

бежных исследователей к собранию Археологического музея, в том числе и кузнецовским коллекциям. Тем более были досадны допущенные в каталоге опечатки и неточности. И.П. Кузнецов позже писал, что «обязательно сообщал» Флоринскому о месте обнаружения того или иного памятника, однако в «Прибавлении к каталогу» были не точно обозначены места находок. Коллекционер сетовал, что во время обучения в университете «бывал нередко у В.М. Флоринского и в Археологическом музее», но, по неизвестным для него причинам, составитель музейного каталога «не обращался к нему за разъяснениями» [10. С. 1].

Позже, когда И.П. Кузнецов составил новую коллекцию медных и бронзовых предметов, он сам принялся за ее описание. К тому времени, на рубеже XIX–XX вв., в научный обиход было введено понятие «музография» как описание музеев и содержащихся в них предметов [25. С. 36]. По всему видно, что Кузнецову, который живо интересовался научной литературой, стало известно это нововведение. В любом случае в описании коллекции он опирался на музографический подход, раскрывал информационные и аттрактивные свойства коллекционных предметов. Прежде всего, ввиду большого количества описываемых предметов он отобрал наиболее, по его мнению, представительные, провел их группировку и составил 200 таблиц [10. С. 1–2]. В первом выпуске издания «Минусинские древности» он охарактеризовал предметы, отраженные в 15 таблицах. (По каким-то пока неизвестным нам причинам начатое описание он не продолжил.)

Распределив описываемую часть коллекции по трем разделам, автор дал им названия: «Война. Охота. Рыбная ловля», «Предметы конского снаряжения», «Предметы домашнего обихода (ножи)». Уже по названиям видно, что он использовал не принятый в археологии способ подразделения находок по географическому признаку или археологическим эпохам и культурам, а опирался на музееведческий подход. В описательной статье относительно каждого предмета приводятся название, материал и техника изготовления, размеры, место обнаружения, место хранения, а также некоторые внешние особенности, степень сохранности. Важно отметить, что порой он сравнивал свои находки с теми, какие были найдены другими археологами, такими как А.С. Уваров, С.К. Кузнецов, И.Т. Савенков. Как пример музографической характеристики можно привести такое описание: «Нож желтой бронзы, окись черная, блестящая, частью отчищена находчиком, литье хорошее, сглажен, лезвие отбито. С одной стороны – украшение в виде птичьей (?) головки» [10. С. 24]. В каталог включены самые мелкие подробности о предметах, указаны физическое состояние, наличие дефектов, и это дает возможность представить время и обстоятельства создания и использования того или иного памятника, усиливает эмоциональное восприятие. Так, коллекционер сообщал: «Чекан желтой бронзы, довольно хорошего литья и отделки». Другой предмет характеризовал следующим образом: «Увесистый медный кинжал окись зеленая разных оттенков. Литье и отделка грубоваты.

В прорези рукоятки швы от формы не сглажены». А о втором кинжале замечал, что его лезвие «старательно отбито» [10. С. 7].

Хотим отметить, что в составлении собственного каталога И.П. Кузнецов руководствовался методологическими наработками В.М. Флоринского: описательные статьи сопровождаются примечаниями, в которых даются пояснения тех или иных особенностей найденных предметов, их состояния. Так, относительно украшений, внесенных в каталог со знаком вопроса, коллекционер-музограф отмечал, что «мастера плохо изображали животных, и их подобные изделия нередко похожи, как говорится, на всех зверей» [10. С. 22, 24]. Вслед за Флоринским И.П. Кузнецов пытался через призму артефактов провести историческую реконструкцию сибирской жизни. Так, характеризуя предметы медно-бронзово-железного периода, он обращал особое внимание на их выделку и по этому признаку идентифицировал с той или иной культурой – монгольской или китайской, одновременно подчеркивал формирование «своеобразной местной культуры». Точно так же находки старинных русских монет на территории Минусинского округа связывал с приходом русских в Сибирь. Используя весь комплекс имевшихся у него вещественных и письменных источников, рассказывал о торговых связях между минусинскими инородцами и русскими, о торговле в XVII в. различными русскими и западноевропейскими товарами, называя среди них медные кресты, серьги, чернильницы, пуговицы, стремяна, железные ножи, огнестрельное оружие. (Вскоре он издал небольшую брошюру, в которой осветил историю русского освоения южных территорий Енисейской губернии, опираясь на работы предшественников и собственные коллекции [26].)

Осмысление археологического материала позволило И.П. Кузнецову сделать некоторые выводы о культурной эволюции населения Минусинской котловины, выявить изменения и преемственность в его развитии. Он замечал, например, что при раскопках ему ни разу не встретились наконечники железных стрел с втулками для древка, столь распространенные в медно-бронзовый период. И высказал предположение: вероятно, первоначально делались попытки выработать изделия из железа по образцам бронзового периода, но довольно скоро пришло убеждение, что гораздо удобнее делать наконечники железных стрел со стержнями для деревянных древков [10. С. 2–3]. И тут же объяснял, как металлические наконечники насаживались на древко копья или рогатины, как крепились элементы конского снаряжения, как использовались ножи разного размера и разного качества литья и отделки [Там же. С. 10, 14, 23]. Сравнивая свои находки с современным ему положением дел, И.П. Кузнецов констатировал «приверженность к старине»: обитатели Минусинского уезда относились с предубеждением к огнестрельному оружию и продолжали охотиться с кремневыми винтовками, мало в чем отличными от пищалей XVII столетия. Отмечал, что и на рубеже XIX–XX вв. инородцы среднего течения р. Аскыз «стреляют из луков рыбу» [Там же. С. 2].

По результатам своих археологических разысканий он пришел к выводу, что погребальный обряд местного населения бассейна р. Абакан сохранился почти без изменений с древности до конца XIX в. [18. С. 3].

Интерес Кузнецова к истории и культуре сибирских народов находил проявление и в его археографических занятиях. В течение 1890–1897 гг. он подготовил и издал восемь документальных сборников, содержащих рукописи XVII–XIX вв. [21–23; 27–31]. Думается, что издательская деятельность И.П. Кузнецова протекала в русле интереса к археографии в России, когда силами Общества истории и древностей российских и, в больше мере, – Императорской археографической комиссии, были развернуты работы по поиску, сбору и публикации различных документов, наработав большой опыт археографических публикаций начиная с изданий Императорской археографической комиссии, включая публикации в «Чтениях Общества истории и древностей российских», «Вестнике Императорского Русского географического общества». Хорошим примером для И.П. Кузнецова, как и для Н.Н. Бакая, также занимавшегося публикациями документов, могли служить археографические занятия Г.Н. Потанина [9. С. 277; 32. С. 16–18]. И по документальным сборникам Кузнецова видно, что он был в курсе археографических разработок своего времени.

Следуя археографическим правилам, И.П. Кузнецов обязательно снабжал подборки документов предисловиями. В первом из сборников, содержащих документы XVII в., он коротко осветил состояние архивного дела в Сибири, констатировал факты гибели документов в пожарах и пришел к выводу, что в условиях «утраты, которая ничем не вознаграждаема в настоящее время», неоценимое значение получает «каждый исторический документ» [22. С. II]. Позже добавил к своим размышлениям новый аргумент в пользу предохранения архивов от уничтожения и, по сути, сформулировал задачу сохранения культурного наследия: «Не обязаны ли мы поэтому позаботиться о сохранении памятников сибирской старины, доставшихся нам по наследству от прошлых поколений?» [31. С. 2]. В предисловие, как правило, включались и элементы легенды, и сообщения об обстоятельствах и месте нахождения того или иного документа. Так, в предисловии к «Приходным окладным ясачным книгам» сообщалось, что публикуемые документы извлечены из объемной, до 500 листов, старинной рукописи, которая «сильно от времени попортилась» [30. С. 1]. Присутствовало обязательное указание на оригинальность или копияность публикуемых документов, чаще всего документы XVII–XVIII вв. публиковались по более поздним спискам. Так, письма губернатора Чичерина 1774 г. попали к И.П. Кузнецову в копии конца XVIII в. Относительно «ясачных книг» публикатор сообщал, что они написаны скорописью первых десятилетий XVIII в., и в качестве иллюстрации поместил в приложении страничку такой «скорописи». Он не сказал о том, кто перевел текст на орфографию конца XIX в., и поскольку всегда называл имена своих помощников и сотрудников, это дает основание считать, что сам осуществил этот перевод.

В отборе документов для публикации И.П. Кузнецов задавался вопросом о степени их новизны, проявляя при этом хорошее знание сибирской археографии. Он отмечал, что содержание некоторых документов повторялось, так как «одинаковые указы и грамоты рассылали всем отдельным воеводам, подобно циркулярам». Называл труды П.А. Словцова «Памятники сибирской истории», где встречалась информация, сходная с той, которая содержалась в найденных им документах. И далее сообщал: «...Справившись во всех изданиях актов по истории России, которые только можно было найти в библиотеке Томского университета, я пришел к тому убеждению, что эти исторические документы нигде не были напечатаны и, следовательно, должны иметь известное значение как материал для истории Сибири» [22. С. IV]. В то же время признавался, что он сам первоначально опубликовал фрагмент комплекса «ясачных книг» в виде небольшой подборки документов, содержавшей перечень комендантов Томска и приказчиков в острогах и слободах Томского уезда. При этом, возможно, имея в виду более полную публикацию всего документального комплекса, он только озаглавил публикуемый документ и сообщил в подстрочном примечании, что «сведения о комендантах и приказчиках извлечены из старинной рукописи», составленной во исполнение царских указов 1718–1719 гг. [27. С. 1].

Согласно основам научной публикации Кузнецов озаглавил каждый отдельный документ, расположив их по хронологическому принципу. В сборнике 1897 г. публикатор подразделил все документы на три отдела: «Грамоты, отписки, памяти», «Челобитные, сказки, разные дела» и «Отрывки». Названия отражают видовой признак и содержание документов, к тому же все они пронумерованы [31. Паг. 3, с. 1–37]. В некоторых публикациях приведены текстуальные примечания, в частности о том, что лист попорчен или почерк неразборчив.

Изданные подборки сопровождаются алфавитными указателями имен и географических названий, как правило, аннотированными. В ряде случаев имеются и «некоторые объяснительные примечания», в частности содержательные справки об Ачинском остроге, о Мангазее и о том, что подлинная царская грамота об основании Томска была передана С.К. Кузнецовым в Археологический музей университета. Сообщаются и другие важные для первоначальной истории Томска сведения, например, такие: «Качанов Федор, стольник и комендант г. Томска в 1717 году. Козлов Василий, исправлявший должность томского коменданта в 1718–1719 гг.» [22. Паг. 3, с. 103, 108–109; 30. Паг. 3, с. 1–3].

Важно отметить, что в рассматриваемых сборниках приведены списки изданий, послуживших «пособиями» для комментариев и идентификации документов. В списках и подстрочниках указаны работы С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.В. Щеглова, Г.Ф. Миллера, К.М. Голодникова, А.П. Степанова, а также «Полное собрание законов Российской империи», справочные и статистические издания.

В документальных подборках и научных публикациях И.П. Кузнецов сформулировал свою исследова-

тельскую позицию, высказал собственный взгляд на Сибирь как неотъемлемую часть России. Он писал: «Мы, сибиряки, ничто иное, как плоть от плоти, кость от костей русского народа, с которым никогда не теряли ни физической, ни духовной связи и с которым вместе пойдем по той дороге, которую судьба указывает всему русскому народу». Кредо И.П. Кузнецова, получившее особое одобрение М.Б. Шейнфельда (как аргумент против областничества), включало важное положение – «писать не историю завоевания Сибири, но историю развития гражданственности в этой стране...» [28. С. XI]. И подобно Г.Н. Потанину, которого, правда, ни разу не упомянул в своих работах, Кузнецов показывал всецелое чиновников, языком документов рассказывал об их злоупотреблениях и по отношению к царской казне, и к рядовым горожанам. В числе первых он раскрыл незавидное положение женщин, запечатлел сценки праздников, сватовства и другие проявления народной жизни в сибирских городах.

Важно отметить, что И.П. Кузнецов обязательно настаивал на критическом использовании исторических источников. Так, в статье о Федоре Кузьмиче он подчеркивал скудость источников, недостоверность сведений о сибирском старце. Проанализировав некоторые авторские тексты, имевшуюся у него копию записок купца С.Ф. Хромова и другие источники, он пришел к вполне определенному выводу. И его заключение не устарело до сих пор: «Личность старца, как мы уже сказали, пока еще не может быть выясне-

на вполне за отсутствием достаточного и достоверного материала для его биографии, и потому баяня, отождествляющая Федора Кузьмича с императором Александром Павловичем, продолжает существовать среди народа и едва ли скоро исчезнет» [33. С. 554].

В то же время в кузнецовских публикациях воспроизводятся прекрасные образцы документированного прочтения сибирской истории. Так, используя данные о сборе ясака в 1715 г., исследователь сообщал: «Тутальской волости князьцов Агуна да Василья поминку – пятнадцать соболей с пупки и с хвосты, да ясаку: восемь соболей с пупки и с хвосты, двадцать две лисицы красные, белодушки, в том числе одна черночеревая, двенадцать бобров рыжих, тринадцать лосин, – все за один сорок за тридцать три соболя. Приказной почести: коменданту – лисица белодушка, дьяку – выдра, сборщику – две выдры да восемь горностаев» [30. Паг. 2, с. 78]. В этом коротком сообщении и географическая привязка, и давно забытые имена тутальских князьков, и перечень пушных зверьков, на которых охотились обитатели Среднего Причумылья и чьими шкурками выплачивали ясак. И даже названа официально признаваемая мзда в пользу местного начальства.

Обращение к работам И.П. Кузнецова расширяет представления о его вкладе в комплексное изучение края с использованием разнообразных исторических знаний и подходов (и музееведческих, и архивоведческих), заметно обновляет и обогащает видение исторического прошлого Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов (Красноярский) Иннокентий Петрович // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск] : Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 1103–1104.
2. Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов) : учеб. пособие. Омск, 1992. 138 с.
3. Ожередов Ю.И. История неизвестных рисунков В.И. Сурикова // Материалы научно-практической конференции Томского областного художественного музея / ред. Л.И. Овчинникова. Томск, 1994. С. 35–41.
4. Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны : материалы науч. конф. / отв. ред. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар, 1994. С. 225–229.
5. Беликова О.Б. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 140–162.
6. Ожередов Ю.И. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 178–179.
7. Ожередов Ю.И. Кузнецов Иннокентий Петрович // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1. С. 358–359.
8. Зуева Е.А., Комлева Е.В., Зуев А.С. Кузнецовы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Т. 1 : А–Л. Новосибирск : Гео, 2012. С. 389–390.
9. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. 399 с.
10. Кузнецов-Красноярский И. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 30 с. : ил.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50.
12. Дмитриенко Н.М. Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 129–134.
13. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2398.
14. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. С приложением 18 таблиц и рисунков. Томск, 1889. 3, 36, XII, II с. : ил.
15. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. Т. 2. 344 с.
16. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
17. Головачев П. Воспоминания о друге молодежи // Литературное наследство Сибири / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. Т. 5. С. 343–353.
18. Кузнецов-Красноярский И. Отчет о раскопках, производившихся в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 году. Томск, 1907. 16 с.
19. [Флоринский В.М.] Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. XVI, 2, 155, 275 с.
20. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. [82 с.].
21. Архив Аскыской степной думы. Томск, 1892. VIII, 27 с.
22. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири / собрал и издал И. Кузнецов. Томск, 1890. V, 91, 111 с.
23. Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 году / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. III, 19 с.
24. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 397. С. 81–90.

25. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
26. Кузнецов-Красноярский И. Из истории южной части Енисейской губернии. Томск, 1908. 17 с.: карта.
27. С бытности губернаторской коменданты и Томского уезду в острогах и слободах приказчики кто были и в которых годах и по каким указам / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. 14 с.
28. Томский сын боярский Федор Протопопов (материалы для истории Сибири) / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. XI, 32 с.
29. Из записок доктора / Кузнецов-Красноярский. Б. м., б. г. [25 с.]. (Отд. оттиск из «Сибирского вестника», 1892.)
30. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг. С приложением карты ясачных волостей и снимка с рукописи / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1893. I, 117, 7 с.: ил.
31. Исторические акты XVII столетия (1630–1699 гг.). Материалы для истории Сибири. Вып. 2 / собрал и издал И.П. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1897. II, 2, 100 с.
32. Дмитриенко Н.М., Родионова Т.В. О документальной публикации Г.Н. Потанина в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» // Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 3–22.
33. Кузнецов-Красноярский И.П. Старец Федор Кузьмич // Исторический вестник. СПб., 1895. № 5. С. 550–554.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

I.P. KUZNETSOV-KRASNOYARSKIY AS A HISTORIAN AND MUSEOGRAPHER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 157–163.

DOI: 10.17223/15617793/409/26

Eduard I. Chernyak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Nadezhda M. Dmitrienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Keywords: I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy; Siberian studies; museography; archaeography.

This article deals with the activities of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, a prominent researcher and collector of the late 19th – early 20th centuries, who made a great contribution to the replenishment of funds of Siberian museums, to the study of history, archaeography and museum science in Siberia. In order to understand the origin of Kuznetsov's interest in the study of Siberia, it is necessary to refer to his own testimony in his works. Now we know that Innokentiy Kuznetsov was born in 1851 in a rich merchant family. His father was an owner of a goldmine; he donated to churches and culture. Besides, he formed collections, and was a member of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Innokentiy Kuznetsov had no special education. Nevertheless, he was engaged in self-education. Following the example of his father, he began to form collections. He conducted archaeological excavations, acquired archaeology and ethnography items while traveling across America and Europe. He collected old documents as well. Kuznetsov donated all his collections to the Minusinsk Museum, the Imperial Historical Museum in Moscow. Kuznetsov gave the bulk of his collections to the Archaeological Museum in the Imperial Tomsk University. Yu.I. Ozheredov, a modern author calculated that Kuznetsov had given about 700 real sources, as well as photographs and documents. After his death in 1916, his widow gave 1722 subject to the University's Archaeological Museum. It is important to say that Kuznetsov did not only form collections. He described and attributed all items. When describing the subjects of archaeology he found in the Minusinsk District, Kuznetsov used the museography approach. He showed the informative and attractive features of items. Through the prism of his collections, Kuznetsov presented the history of southern Siberia, and could talk about the impact of Chinese culture on the local population of the Bronze and Iron epochs. Besides, he noted that Minusinsk aborigines used archaic flintlock shotguns at the end of the 19th century, and he wrote that their funeral rites were preserved since old times as well. The article contains new information that in addition to museography Kuznetsov was engaged in archaeography. Using his collection of ancient papers, he published eight books of historical documents about Siberia in the 17th–18th centuries. Thus he saved a mass of historical information from destroying. Being a collector and archaeographer, the investigator particularly emphasized the importance of historical sources in the studies. He considered that an important task of history studies was people's life, not the conquest of Siberia. It is necessary to note that the materials of his documentary books allow us to look at the Siberian past from the view of its witnesses. There is a lot of information about the abuse of power in the Siberian towns and cities in the 18th century in his publications. He revealed the plight of women in his works. Among first in Siberia, I.P. Kuznetsov told about people's holidays, matchmaking, etc. A critical use of historical sources allowed him to have his doubt about the Royal origin of the Tomsk elder (*starets*) Fyodor Kuzmich. Reading Kuznetsov's works helps us to make a complete account of his contribution to the comprehensive study of Siberian territories; it renews and enriches the vision of the historical past of Siberia.

REFERENCES

1. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1931) Kuznetsov (Krasnoyarskiy) Innokentiy Petrovich. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk: Zap.-Sib. otdelenie OGIz.
2. Matyushchenko, V.I. (1992) *Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibiri (do kontsa 1930-kh godov)* [The history of archaeological research in Siberia (until the end of the 1930s)]. Omsk: Omsk State University.
3. Ozheredov, Yu.I. (1994) [The history of unidentified drawings of V.I. Surikov]. Proceedings of the scientific-practical conference of the Tomsk Regional Art Museum. Tomsk. pp. 35–41. (In Russian).
4. Ozheredov, Yu.I. (1994) [Fund of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia]. *Istoriya vuzovskikh muzeev strany* [The history of the country's university museums]. Proceedings of the conference. Syktyvkar. pp. 225–229.
5. Belikova, O.B. (2002) “Skandinavskaya” kolleksiya I.P. Kuznetsova-Krasnoyarskogo [The “Scandinavian” collection of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Ozheredov, Yu.I. (2004) Kuznetsov-Krasnoyarskiy Innokentiy Petrovich. In: *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A brief city encyclopedia]. Tomsk: Izd-vo NTL.
7. Ozheredov, Yu.I. (2008) Kuznetsov Innokentiy Petrovich. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

8. Zueva, E.A., Komleva, E.V. & Zuev, A.S. (2012) Kuznetsovy [The Kuznetsovs]. In: Rezun, D.A. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i komertsii v Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary of the history of merchants and commerce in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
9. Sheynfel'd, M.B. (1973) *Istoriografiya Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia (the end of the 19th – early 20th centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
10. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1908) *Minusinskie drevnosti. Medno-bronzovyy i perekhodnyy periody* [Minusinsk antiquities. The Copper-Bronze and transitional periods]. Vol. 1. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo T-va Pechatnogo Dela.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 50. (In Russian).
12. Dmitrienko, N.M. (1998) Premii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za trudy po istorii, antropologii i sotsiologii Sibiri [Imperial Tomsk University Award for works on the history, anthropology and sociology of Siberia]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the history of Siberia. On the 30th anniversary of the laboratory]. Tomsk: Tomsk State University.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2398. (In Russian).
14. Kuznetsov, I. (1889) *Drevnie mogily Minusinskogo okruga. S prilozheniem 18 tablits i risunkov* [Minusinsk District. With 18 tables and figures]. Tomsk.
15. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University.
16. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Golovachev, P. (1980) Vospominaniya o druge molodezhi [Memories of the youth's friend]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
18. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1907) *Otchet o raskopkakh, proizvodivshikhsya v Minusinskom uezde Eniseyskoy gubernii v 1884 godu* [Report of the excavations in the Minusinsk district of Yenisei province in 1884]. Tomsk: Parovaya tipo-litogr. P. I. Makushina.
19. [Florinskiy, V.M.] (1888) *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: tipogr. Mikhaylova i Makushina.
20. [Florinskiy, V.M.] (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Addition to the catalog of the Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mikhaylova i Makushina.
21. Archive of the Askyskaya Steppe Duma. (1892) Tomsk.
22. Kuznetsov, I. (1890) *Istoricheskie akty XVII stoletiya (1633–1699). Materialy dlya istorii Sibiri* [Historical Acts of the 17th century (1633–1699). Materials for the history of Siberia]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mikhaylova i Makushina.
23. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *Opisanie prazdnovaniya v Tobol'ske Kuchuk-Kaynardzhiyskogo mira v 1774 godu* [Description of the celebration in Tobolsk of Kuchuk Kainarji in 1774]. Tomsk.
24. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/14
25. Dmitrienko, N.M. et al. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 34–41. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/7
26. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1908) *Iz istorii yuzhnoy chasti Eniseyskoy gubernii* [From the history of the southern part of Yenisei Province]. Tomsk.
27. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *S bytnosti gubernatorskoy komendanty i Tomskogo uezdu v ostrogakh i slobodakh prikazchiki kto byli i v kotorykh godekh i po kakim ukazam* [Who, when and by which order were officers of governor and Tomsk district commandants in jails and large villages]. Tomsk.
28. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *Tomskiy syn boyarskiy Fedor Protopopov (materialy dlya istorii Sibiri)* [Tomsk son Boyar Fyodor Protopopov (materials for the history of Siberia)]. Tomsk: tipo-lit. Mikhaylova i Makushina.
29. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (c. 1892) *Iz zapisok doktora* [From the notes of the doctor]. A print from Sibirskiy vestnik.
30. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1893) *Prikhodnye okladnye yasachnye knigi Tomskogo uezda 1706–1718 gg. S prilozheniem karty yasachnykh volostey i snimka s rukopisi* [Receipt accountant tributaries of Tomsk district in 1706–1718. With the maps of townships and images from the manuscript]. Tomsk: tipo-lit. P.I. Makushina.
31. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1897) *Istoricheskie akty XVII stoletiya (1630–1699 gg.). Materialy dlya istorii Sibiri* [Historical Acts of the 17th century (1630–1699). Materials for the history of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tipo-Litogr. Kononova i Skulimovskogo.
32. Dmitrienko, N.M. & Rodionova, T.V. (2013) O dokumental'noy publikatsii G.N. Potanina v "Chteniyakh v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh" [About documentary publication of G.N. Potanin "Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities"]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumental'nykh publikatsiyam G.N. Potanina)* [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in the historical perspective of the 18th century. (by documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I.P. (1895) Starets Fedor Kuz'mich [Elder Fyodor Kuzmich]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 550–554.

Received: 09 June 2016